

...КАЖЕТСЯ, это было только вчера: мы сидели с новоспеченными артистами Театральной мастерской киностудии «Грузия - фильм» в небольшой комнате Дома кино, отведенной для репетиций, и они рассказывали взахлеб о своем дипломном спектакле «Именем Молодой гвардии», за который были удостоены премии комсомола Грузии, говорили о творческой позиции своего коллектива, строили планы будущих постановок... Они, как и их руководитель Михаил Иванович Туманишвили, были одержимы идеей студийности и каждый день, каждую минуту выстраивали по кирпичику задуманное ими здание.

Тогда они были интересны своим будущим, которое угадывалось в неустанной работе, в огромной самоотдаче, в юношеском энтузиазме. Сейчас, когда прошло почти пять лет, они еще более интересны — своим настоящим. Бывшие студенты повзрослели, некоторым уже за тридцать, работа в театре стала их профессией. Но приходят они сюда не для службы — для служения. Они смогли сохранить и сделать нормой театральной жизни выработанные ими с ними же эстетические и этические принципы, они сохранили студийность. И это несмотря на трудности первых двух лет существования театра, когда не было своего помещения, несмотря на то, что сейчас коллектив неоднороден — в театре работают киноартисты старшего поколения, и он пополняется молодежью.

Но студийность сама по себе, если она не подкреплена художественным результатом, может оказаться всего лишь красивым мыльным пузырьком. Такие примеры тоже существуют. Мне кажется, главное в понятии студийности для данного коллектива — это не только сохранение этических и нравственных принципов, но способность, говоря словами Экзюпери, смотреть не друг на друга, а в одну сторону. Это единство позиций, взглядов, единство художественного метода позволило молодому театру обрести свой

голос, говорить в своих работах о том, что волнует их сегодня, о чем они думают, с чем хотят бороться. Нравственная, гражданская позиция театра со всей очевидностью проступает в его спектаклях. Она же диктует выбор репертуара, смысловую расстановку акцентов в пьесах.

С этой точки зрения особенно интересным кажется спектакль «Мученичество Шушаник» М. Мрвалишвили в постановке Нугзара Багратони. Кажется, что тема «Именем Молодой гвардии», трансформировавшись, завуалирована в «Мученичестве Шушаник». Тема

бюают. И потом, мастерская — это маленький театр. В маленьком театре — более интимная обстановка. В таком театре можно видеть актера вблизи, как в кино. А чем ближе мы к актеру, тем сильнее впечатление. Если, конечно, это хороший актер. Если он плох, его надо отодвигать как можно дальше. На стадион. Оттуда он, может быть, будет выглядеть и неплохо. Мы хотим создать такие спектакли, на которые зрители будут ходить ради актерских работ», — так говорит о своем театре М. Туманишвили.

Внимание к актеру — один из основных принци-

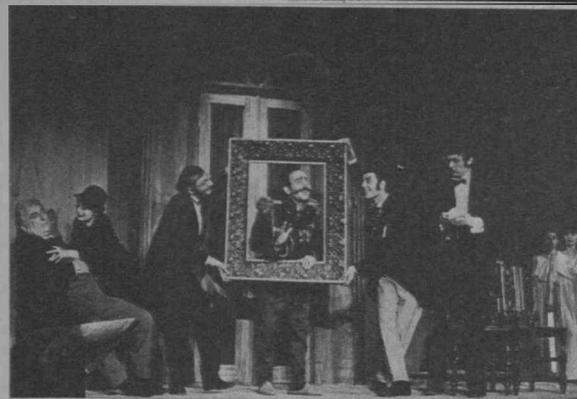
пов этого театра. Недавний спектакль «Дело» по пьесе А. Сухова — «Былина» — самое красноречивое доказательство тому (постановка М. Туманишвили, режиссер Ц. Накашидзе). Здесь сценические метафоры соседствуют, а точнее, выражаются через игру актеров.

Театр сделал главной в этом спектакле тему стяжательства, гиперболизированной страсти к наживе — всепожирающей, почти фатальной, которой ничто не может противостоять. Все подавлено золотым тельцом, все подчинено ему. Такая точка зрения позволила расказать трагическую историю семейства Муромских, используя элементы гротеска и в постановочном приеме и в актерской игре.

Мрачный, злоеющий в своей безысходности гротизм пьесы, сохраняя свою сущность, разворачивается на сцене гротесковой внешней стороной. Спектакль начинается с бравого циркового марша, в который врывается голос клоуна. Да, клоуна (Дареджан Хачидзе) — ужасные илетчатые брючки, рыжий парик, веснушки, улыбка до ушей. Быстрый, подвижный, как ртуть, вездесущий

и всезнающий, он и ведущий, и свидетель событий, и их комментатор.

Характеры персонажей предельно заострены. Даже «голубая» по Сухову — Кобылину роль Лидочки обретает в спектакле характерность. Дареджан Джоджуа играет ее капризной старой девой, готовой каждую минуту разразиться истерикой, но изловив сил старающейся сохранить хотя бы внешние приличия. Белое кисейное платье, гордо вскинутая голова — тонкая, изящная, и — нечеловеческое внутреннее напряжение: туго натянута струна, вот-вот готовая лопнуть.

большой ребенок. Со своими представлениями о чести и достоинстве этот деликатный человек просто не в состоянии дать взятку — замарать от стыда... И если такого довели до иступления, когда он начал швырять стулья и бросаться на людей, нетрудно понять, что происходит в этой канцелярии.

Попытка описать характеры героев вне актерских приспособлений бедна и бесполезна. Это контур, не способный передать все богатство нюансов и красок картины в целом. Цельный, законченный по мысли, в то же время это спектакль, на который можно ходить ради актеров. Причем демонстрация актерского мастерства здесь не является самоцелью — в сценических образах для нас отражаются картины сегодняшней жизни, ее проблемы, волнующие всех.

Но, пожалуй, в приспособленности всех переплодет Тарелкин — мелкий чиновник, мелкая душонка, мелкий угодник, и все это ради такой же мелкой наживы, Зураба Кишшидзе в этой роли даже внешне трудно узнать, хотя грима почти нет. Вместо улыбки — привычно-профессиональный оскал, масляные глазничные щелчки, острый, хищный взгляд, короткие брови. Весь он какой-то липкий, лоснящийся, как мышь. И такой же юркий.

Куда уж честномо интеллигентному человеку, как Муромский (на эту роль даже исполнителя — Эроси Манджгалдзе и Резо Иманшвили) тягаться с такими. Он и понять-то их не в состоянии, его лицо чаще всего выражает полное недоумение и растерянность, он как

НЕ ДЛЯ БУДУЩЕГО — ДЛЯ СЛУЖЕНИЯ

верности своим убеждениям, готовность за них пожертвовать всем читалась в каждой сцене спектакля, в трактовке каждого образа. Это был и гимн силе человеческого духа, олицетворением которого была Шушаник, и презрение к низменным меркантильным расчетам, стоящим для некоторых выше достоинства и чести.

В этом спектакле впервые с такой очевидностью выявился трагический темперамент Мзии Арабули в роли Шушаник, одухотворенная просветленность Мурмана Джинория в роли Якоба, тонкая психологическая нюансировка роли Белого берика Амираном Амираншвили, сильная лепка характера Варкева Зурабом Кишшидзе.

«Мастерская — это такое место, где работают, пробуют, проверяют. Где собираются люди для того, чтобы быть вместе, чтобы чего-то добиваться, ошибаться, снова пробовать. Мастерская — это школа, для того чтобы учиться и молодым, и старым. Если в нашей мастерской не учиться, там нечего делать. К счастью, у нас хорошая дружба молодых и опытных киноактеров, и все они ра-

В. ЦЕРЕТЕЛИ.
На снимке: сцена из спектакля «Дело».

Фото Э. Гиглашвили.